

рической необходимости «сильной руки» на Востоке, к чему так стремятся современные империалистические державы, и в результате чего только и возник, разбираемый автором, так называемый «восточный» вопрос. Сами географические условия, по мнению автора, привели к созданию «балканского вопроса» (стр. 361—362), который с такой силой проявился в новое время.

Как мы видим, этот вывод, подводящий итоги исследования, показывает полную несостоятельность его автора. Перед нами не научный труд по истории древнего мира, а политическое произведение буржуазного ученого, в котором примеры из древней истории служат лишь маскировкой для обоснования закономерности, неизбежности и целесообразности современной восточной экспансионистской политики империалистических держав англо-саксонского блока. Эта книга весьма показательна для установления той роли, которую играют современные модернизаторы древней истории.

Б. Т. Горянов

HELENE VON ZEISSL, Äthiopen und Assyrer in Ägypten. Beiträge zur Geschichte der ägyptischen «Spätzeit», «Ägyptologische Forschungen», herausgegeben von Alexander Scharff, Heft 14, Glückstadt und Hamburg, Verlag J. J. Augustin, 1944, 92 стр.

Значительное количество письменных и вещественных памятников, относящихся к истории Нубии, рассеянных по музеям мира и опубликованных иногда в редких и трудно доступных изданиях, заставляют с особым вниманием относиться к каждой книге, посвященной столь мало изученному прошлому этой страны.

Небольшая монография начинающего австрийского египтолога Елены фон Цейссл «Эфиопы и ассирийцы в Египте» является ее докторской диссертацией, представленной в Венский университет, и оказывается, таким образом, первой пробой творческих сил автора. Это обстоятельство дает нам возможность судить не только о высказанных молодым автором взглядах в области малоизученных еще вопросов древней истории, но и о характере университетской подготовки, получаемой молодыми специалистами капиталистических стран. Включение работы Цейссл в серию «Ägyptologische Forschungen» свидетельствует о том, что она получила признание зарубежной науки.

Справедливо подчеркивая в кратком предисловии недостаточную изученность так называемой «эпохи упадка» Египта, несмотря на ее важность для выяснения общего хода исторического развития этой страны, автор заявляет о своем стремлении представить в кратких чертах «изображение времени эфиопов и ассирийцев», тем более, что «этот период египетской истории никогда обособленно и замкнуто не рассматривался». Таким образом, работа фон Цейссл является как бы естественным продолжением книги шведского египтолога Т. С е в е-С е д е р б е р г а «Египет и Нубия», где история взаимоотношений обеих стран доведена до конца Нового царства¹.

Однако намеченная в предисловии программа осталась в действительности далеко не осуществленной. Более или менее подробно рассмотрены в ней только отдельные вопросы—прежде всего хронология и источники; правовые отношения, религия, искусство освещены очень бегло и односторонне, и притом только на основании чужих трудов и мнений, а многие из проблем, в том числе и такие, как проблемы экономики, социальных отношений, внутренней политики, остались вовсе не затронутыми.

«Введение», которым начинается настоящая монография, представляет беглый обзор внешнеполитических событий от конца XIX династии до гибели Бокхориса, составленный на основании общих и некоторых специальных трудов. Здесь вызывает возражение безоговорочное утверждение, что «Нубия полностью переняла египетскую цивилизацию» (стр. 9). Это верно лишь в отношении господствующих слоев Напатского царства, да и то с оговорками. И данные археологии и памятники искусства неопровержимо свидетельствуют о существовании туземной самобытной культуры, приведшей в сочетании с египетским влиянием к возникновению своеобразных храмов и рельефов Напаты, а впоследствии и Мероэ. Кроме того, массы местного населения,

¹ См. рецензию на эту книгу в ВДИ, 1948, № 1, стр. 130—133.

как доказывает инвентарь погребений, в значительно меньшей степени подверглись воздействию цивилизации Египта. Едва ли можно согласиться и с замечанием, что «правление энергичных монархов (XXV династии—И. К.) вывело его (т. е. Египет—И. К.) не на долгий срок из состояния слабости... однако оно заложило основание для нового и последнего расцвета самостоятельного Египта». Ведь не только военными талантами или дипломатическими способностями эфиопских династов следует объяснить длительное сопротивление их Ассирии и объединение Египта в единое целое. В основе лежат более глубокие причины, которые автор игнорирует или сознательно, или в силу методологической беспомощности. В данном случае нельзя игнорировать усиление египетской общины, вызванное и реформами Бокхориса и, возможно, внутренней политикой Пианхи и его преемников, а также хитросплетения внешней политики и военный потенциал союза нубийских племен.

Непосредственно к теме автор переходит в первой главе, посвященной Шабакке. Его интересуют исключительно вопросы хронологии, в которой он придерживается схемы Эд. Мейера, и источниковедения, как, впрочем, и почти во всех остальных главах, особенно третьей—«Шабатака», четвертой—«Тахарка», шестой—«Танутамон и Псамметих», седьмой—«Князя, верховные жрецы и чиновники Египта во время господства эфиопов и ассирийцев» и восьмой—«Супруги бога и царицы». Цейссл прежде всего устанавливает генеалогию и родственные отношения фараонов XXV династии и их близких, уточняет даты их правления и жизни, в затем подробно перечисляет все известные ей памятники, относящиеся к упоминаемым лицам. По каждому вопросу она приводит господствующие в науке точки зрения, а затем присоединяется к одной из них, иногда лишь несколько дополняя или уточняя ее собственными догадками в некоторых деталях, как, например, о времени захвата Фив ассирийцами (приводится мнение Д. Брестеда—стр. 43), о числе фараонов, носивших имя Пианхи (здесь она придерживается взглядов Д. Рейснера—стр. 11), о титулах «супруг бога» (стр. 67) и т. д. Правда, в последнем случае, Цейссл возражает датскому египтологу Сандер-Гансен, полагая, что не оправдана догадка последнего о том, что если в надписи одновременно упоминаются «супруга бога» и ее приемная дочь—наследница, то первая называется *hmt ntr* («жена бога»), а вторая «*dw'tt ntr*» («почтительница бога»). Во всем прочем она принимает его выводы. Подобные примеры легко умножить, ибо собственные взгляды и мнения автора высказываются редко и только в частных случаях, хотя автор провел большую работу по сбору и систематизации материала. Между тем, некоторые спорные вопросы, как представляется нам, можно было бы дополнить новыми аргументами. Совершенно справедливые возражения ее Г. Готье, высказавшему предположение, что власть Шабакки не распространялась на Нубию, так как южнее Эдфу не найдено ни одного памятника этого фараона (стр. 15), были бы гораздо убедительнее, если привести еще одно доказательство, а именно: едва ли Шабакка и Шабатака были бы похоронены на семейном кладбище напатских царей в Эль-Куру, если бы владения этих фараонов не выходили за пределы Египта. Не найдено также ни одного доказательства правления в Напате в ту пору какого-либо иного потомка Пианхи, как склонен полагать Г. Готье. Характерно также, что Тахарка и Танутамон после поражения бегут в Напату. Очевидно, они не сомневались в прочности своего положения там.

Малочисленность памятников Шабатаки, возможно, объясняется тем, что Тахарка, будучи сыном Пианхи и считая себя наследником египетского престола после смерти Шабакки, рассматривал Шабатаку как узурпатора и стремился уничтожить следы его царствования.

Нельзя не возразить против высказанного на стр. 36 (прим. 180) суждения о том, что на знаменитой стеле Асархаддона, высеченной в Зендширли у устья Нар эль-Кельб, изображен Тахарка. Сохранившиеся скульптурные портреты последнего, в частности превосходной работы бронзовая статуэтка собрания Государственного Эрмитажа, изданная Н. Д. Флиттнер¹, на которую между прочим Цейссл ссылается, подтверж-

¹ Н. Д. Флиттнер, Портретная статуэтка Тахарки, сборник статей, «Античный портрет», Ленинград, 1929, стр. 11—12.

дают, что трон фараонов занял человек не негритянского происхождения или с незначительной примесью негритянской крови. О не-негритянском происхождении эфиопской династии свидетельствуют и раскопки Д. Рейснера, заставившие полностью пересмотреть все установленные на этот счет взгляды. Во всяком случае, Тахарка негром не был, если даже и признать, что египетские художники идеализировали его черты и придавали им сходство с Пиопи I или Рамсесом II, как считает Н. Д. Флитнер. На стеле же из Зендширли изображен негр с ярко выраженными физическими особенностями. Известно также, что Тахарке удалось избежать ассирийского плена, хотя вся семья его попала в неволю. Поэтому правильнее предположить, что Асархаддон велел увековечить на стеле сына царя—Ушунахуру. Последний мог быть негром по матери, так как через гаремных женщин эфиопские династии этнически все теснее сближались с местным населением.

Таких отдельных спорных вопросов в настоящей монографии имеется немало, и едва ли целесообразно приводить их сейчас полностью.

В монографии имеются главы, посвященные обзору исторических событий и проблемам истории культуры. Две из них—вторая и пятая, озаглавленные «Египет и Ассирия»,—рассматривают отношения этих стран от битвы при Каркаре—853 г. до взятия войсками Ассурбанипала Фив и бегства Танутамона в Нубию. Фон-Цейссл останавливается только на военных событиях, подробно разбирая отдельные спорные проблемы, например, о том, кем является упоминаемый в библии (2 кн. Царей 17,4—5) Со-Сибе анналов Саргона II. Она присоединяется к мнению Хелла и считает его полководцем Пианхи, вероятно, эфиопом по происхождению. Столь же подробно разбираются причины отхода ассирийской армии от Иерусалима в 701 г., причем в основу изложения и полемики с Сиднеем Смитом, относящим это событие к 675 г., положена работа Альта «Израиль и Египет». Следующее за этим прагматическое описание походов в долину Нила Асархаддона и Ассурбанипала также изредка прерывается небольшими экскурсами или дополнениями по частным вопросам. Так, автор считает, ссылаясь на Штрека, что после смерти Асархаддона продвижение ассирийцев в Египет приостановилось, так как этому должны были воспрепятствовать обычные в Ассирии при смене царей династические смуты. Во всех случаях автор ограничивается постулированием или описанием фактов, редко пытаясь дать им объяснение или установить их внутреннюю связь и закономерность. Там же, где делаются подобные попытки, они носят поверхностный характер, что является следствием методологической ограниченности автора. Так, говоря об устремлении египетской политики в начале правления XXV династии в Сирию и Палестину, он считает причиной этого «воспоминания об египетском господстве в минувшие времена», а также сознание угрозы со стороны Ассирии. Последнее обстоятельство, действительно, имело немалое значение. Но нельзя игнорировать то, что являлось основой внешней политики древневосточных деспотий—грабеж, охота за рабами. Развитие частной собственности в Египте в I тысячелетии до н. э.—частного землевладения и рабовладения—играло существенную роль в попытках фараонов закрепить свою власть в Палестине и Сирии. Что касается Ассирии, то грабеж был вообще основой ее экономики. Между тем Цейссл считает, что желание последней овладеть богатствами долины Нила, в частности нубийским золотом, не были «реальнополитическими причинами» (стр. 18). Таковыми должно считать, по ее мнению, только соперничество за влияние в восточной части Средиземноморья.

Предпоследняя, девятая, глава содержит краткие обзоры правовых отношений, искусства и религии конца VIII—начала VII вв. до н. э. В первых двух разделах указанной главы Цейссл повторяет в кратком изложении выводы и описания специальных работ; по истории права—Зейделя и Пиррена, по искусству—преимущественно Шарффа, а также некоторых специальных публикаций. Что касается религии, то автор удовлетворяется сжатым пересказом соответствующих мест из стелы Пианхи и констатацией того обстоятельства, что «новая, правоверная династия... старалась во всех областях удержать нравы и обычаи предков и оживить их» (стр. 81), не задумываясь над тем, каковы были тому причины. Общая характеристика культуры этой эпохи

ограничивается замечанием о борьбе двух политических и культурных течений: мелких княжеств, на которые распался Египет в эту пору, возглавляемых династиями (большей частью ливийского происхождения), и фиванского жречества, установившего на юге страны теократию. С последней полностью отождествляется Напатское царство. Значение теократического строя, особенно для Нубии, сильно преувеличивается. В действительности, Напатское государство в начале своего существования, переняв внешние черты, свойственные египетской деспотии, представляло собой, видимо, союз отдельных племен с сильными пережитками родового строя, в котором вожди, возглавляющие этот союз, и особенно жречество играли огромную политическую роль. Материальная культура уделена неполная страница, причем Цейссль с умилением описывает только дворцы, одеяния и «приятную» жизнь знати, богатства храмов. О народе и его быте, как и вообще во всей работе, здесь не сказано ни слова. Игнорирование народных масс—черта, присущая буржуазной историографии,— в полной мере свойственна и фон Цейсслю.

В заключительной главе—«Египет под чужим господством» на основании работ Биссинга, Фогта, Эренберга и Шубарта проводится параллель между властью эфиопов, ассирийцев, персов, греков и римлян и отношением к ним египтян. Здесь правильно ставится вопрос о том, что туземное население по-разному реагировало на попытки подчинения их родины каждым из указанных народов. Однако кроме культурной близости эфиопов к египтянам, их благожелания и заботы о предотвращении угрозы со стороны Ассирии, Цейссль никаких иных причин, которые бы объяснили, почему в народной памяти сохранились столь добрые воспоминания о времени правления XXV династии, не приводит. Автор не понял, что население видело в правителях этой династии не только защитников от внешней угрозы, но и в значительной степени покровителей интересов народных масс, так как в этот период приостанавливается процесс расслоения сельской общины: законы, данные Бокхорисом, остаются, вероятно, еще незабытыми.

Отдельные наблюдения автора или приводимые им взгляды других ученых заслуживают внимания, как, например, истолкование событий, связанных с бегством Ямани, царя Асдода, и находкой в Ниневии печати Шабакки, объяснение родственных связей Шабатаки с Пианхи, на дочери которого, Пианхирити, он женился, или изложение политики князя Фив Монтумехата. Цейссль полностью принимает предложение академиком В. В. Струве сопоставление египетского начертания имени фараона Танутамона с клинописным его написанием Таштамани. Удовлетворительного разрешения этой задачи не смогли предложить ни Г. Штейндорф, ни Ранке, ни Эд. Мейер, ни другие крупнейшие западноевропейские ученые, специально ею занимавшиеся.

Таким образом, при некоторых достоинствах, из которых основные—полнота собранных фактических данных и уточнение некоторых частных вопросов, настоящая монография производит впечатление компилятивного нагромождения материала, расположенного в известном систематическом порядке. В его дебрях порой даже теряется история взаимоотношений эфиопов, ассирийцев и египтян, которой преимущественно посвящена работа. Она оставляет в стороне или очень поверхностно рассматривает другие проблемы, связанные с изучением этой эпохи, столь сложной и противоречивой. По существу Цейссль останавливается там, где должен начаться труд подлинного историка, который видит конечную цель не в одном лишь изложении некоторых событий и накоплении фактов, но в их истолковании и объяснении.

И. С. Кацнельсон

HÜSEYİN NAMİK ORKUN, Eski türk yazitlari, Istanbul, I—1936; II—1939; III—1940; IV—1941.

На первый том этих «Древних тюркских надписей» мной уже была дана библиографическая заметка в Сборнике «Язык и мышление» (1940, № 9, стр. 186). Теперь все это издание завершилось в 1941 г. четвертым томом—словарем ко всем тюркским